

MATERIÁLY

II MEZINÁRODNÍ VĚDECKO-PRAKTICKÁ KONFERENCE

**MODERNÍ VYMOŽENOSTI
VĚDY - 2016**

22.01.2016 - 30.01.2016

Díl 5

**Historie
Filosofie
Politické vědy**

aha
ublishing House
Education and Science» s.r.o.

Vydáno Publishing House «Education and Science»,
Frýdlanská 15/1314, Praha 8
Spolu s DSP SHID, Berdianskaja 61 B, Dnepropetrovsk

**Materiály XII mezinárodní vědecko - praktická konference
«Moderní vymoženosti vědy – 2016».** - Díl 5. Historie. Filosofie.
Politické vědy.: Praha. Publishing House «Education and
Science» s.r.o - 104 stran

Šéfredaktor: Prof. JUDr. Zdeněk Černák

Náměstek hlavního redaktor: Mgr. Alena Pelicánová

Zodpovědný za vydání: Mgr. Jana Štefko

Manažer: Mgr. Helena Žáková

Technický pracovník: Bc. Kateřina Zahradníčková

XII sběrné nádobě obsahují materiály mezinárodní vědecko - praktická
konference «Moderní vymoženosti vědy» (22 - 30 ledna 2016 roku)
po sekcích Historie.Filosofie.Politické vědy.

Pro studentů, aspirantů a vědeckých pracovníků

Cena 270 Kč

ISBN 978-966-8736-05-6

© Kolektiv autorů, 2016
© Publishing house «Education and Science» s.r.o.

REGIONÁLNÍ POLITICKÉ PROCESY

Профессор, д.и.н. Мовкебаева Г.А.

PhD докторант Айдарханова Э.М.

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИНТЕРЕСЫ США, ЕС, КИТАЙ

Страны Центральной Азии являясь объектом столкновения ведущих субъектов мировой политики и региональных держав, в настоящее время переживает период трансформации, становится одним из ключевых центров в геополитическом пространстве Евразии, центром обеспечения евразийской безопасности.

Страны Центрально-Азиатского региона (далее – ЦАР) обладают огромными запасами стратегического сырья, находясь в пограничной зоне нескольких развитых ареалов, привлекают к себе повышенный интерес крупнейших мировых держав, региональных и сопредельных стран, усиливая конкуренцию и противоборство из-за установления контроля над энергетическими ресурсами региона. Интересы России здесь сталкиваются и пересекаются с интересами мощных международных акторов, как США, ЕС и Китай, а также многих стран Ближнего и Среднего Востока.

С начала 1990-х гг. после распада СССР и объявления центрально-азиатскими государствами независимости, ЦАР стал открытым для проникновения различных внешних сил. Помимо России к ним принадлежали США, Евросоюз, крупнейшие региональные державы (Китай, Япония, Индия), развивающиеся ведущие активную внешнюю политику государства Ближнего и Среднего Востока (Турция, Пакистан, Иран, Саудовская Аравия). Попытки установить взаимодействия с государствами прежде закрытого региона осуществлялись по всем направлениям: политическому, торгово-экономическому, военному, религиозному, этнокультурному. Особенно заметное влияние на политическую ситуацию в регионе оказывает деятельность США. К середине 1990-х гг. они вполне осознали значение региона в рамках складывающейся в США концепции глобального лидерства. Видный американский стратег и политолог З.Бжезинский сформулировал тогдашние американские цели следующим образом: «...Первостепенный интерес Америки состоит в том, чтобы помочь обеспечить такую ситуацию, при которой ни одна держава не контролировала бы данное геополитическое пространство, а мировое сообщество имело бы к нему беспрепятственный финансово-экономический доступ...» [1]. При этом указывалось, что «...усилия России по монополизации доступа требуют отпора, как вредные для стабильности в регионе» [1].

В дальнейшем, доминирование в ЦАР для США стало пониматься как геополитическое могущество, доступ к потенциально огромным сырьевым богатствам и глобальная безопасность.

В 1997 г. США официально объявили сферой своих стратегических интересов зону Каспия, при этом сформулировали и свою концепцию в отношении Центральной Азии, в центре которой находится интерес к нефтяным и газовым ресурсам региона [2]. Официально политика Соединенных Штатов была направлена на формирование новой сети трубопроводов (трубопровод Баку-Джейхан) и торгово-транспортных коммуникаций (ШАСЕСА: транспортный коридор из Европы через Кавказ в Центральную Азию), которую провозгласили с целью изолировать Иран, но которая также угрожала экономическим и политическим интересам России [3]. На важную роль альтернативных российским нефтепроводов, чтобы отнять политико-экономический контроль у России, указывают и видные европейские политологи [4]. Многие отечественные эксперты также полагают, что «для администрации США экономика в Центральной Азии, в отличие от других стран вторична, главная задача – выдвинуть Россию с исторически прочных позиций в этом регионе» [5]. В среде зарубежных аналитиков считается, что США своими попытками закрепить в Центральной Азии стремятся получить контроль над так называемым «стратегическим энергетическим эллипсом» – территорией, простирающейся от Ближнего Востока до Центральной Азии [6]. Следует заметить, что указанные цели и задачи глобальной политики США не противоречат друг другу.

Приоритетным направлением взаимодействия США со странами ЦАР в эти годы стали безопасность и военное сотрудничество, в основном с Узбекистаном, Киргизией и Казахстаном: вовлечение в программу «Партнерство ради мира», которая предоставляла молодым государствам помощь в подготовке военных кадров, финансировала военные учения. Именно эти две сферы сотрудничества со странами ЦАР в те годы считала основными и Россия. Таким образом, к концу 1990-х гг. – началу 2000-х гг. стало очевидным стремление США представить себя в качестве альтернативы России в ЦАР. Это неизбежно привело к нарастанию противоречий и соперничества в регионе. Однако при этом США избегали выступить гарантами безопасности стран региона.

Начало военной операции антитеррористической коалиции (первоначально США и Великобритании) в Афганистане в октябре 2001 г. и размещение военных баз коалиции в Киргизии, Узбекистане, Таджикистане создали новую ситуацию в регионе. С одной стороны, наметились признаки сотрудничества России, заинтересованной в стабильном Афганистане, с НАТО (США, прежде всего, в лице президента Дж. Буша-младшего и его администрации) в борьбе с международным терроризмом. Кроме того, руководство РФ вынуждено было признать проникновение США в ЦАР, в то время как для руководства государств региона это так же показалось на первых порах привлекательным: оно надеялось на возрастание экономиче-

ской помощи со стороны США, расширение сотрудничества и щедрую плату за использование военных объектов. Россия в те годы не могла или не хотела предоставить такую помощь правительствам региона.

Некоторые режимы (Узбекистан, Туркменистан) рассчитывали, что США выступят новым гарантом их независимости и безопасности. Помимо этого концепция борьбы с международным терроризмом облегчала возможности борьбы не только с экстремистами и радикалами внутри этих стран, но и с собственной политической оппозицией. Однако достаточно быстро стало очевидным, что американская администрация продолжила «курс на вытеснение России из зон ее жизненно важных интересов, игнорируя мнение российского руководства по важнейшим вопросам» [3]. При этом США, ссылаясь на необходимость демократизации установившихся в странах ЦАР режимов в целях их «модернизации и очеловечивания», начала проводить целенаправленную политику по изменению их внутривластного положения через созданные ею в странах региона неправительственные организации и фонды.

В 2005 г. США выдвинули концепцию «Большой Центральной Азии», разработанную политологом Фредериком Старром, которая содержала ответ на усиление созданной Россией совместно с Китаем Шанхайской организации сотрудничества, в которую вошли все страны ЦАР кроме Туркменистана. Первоначально ШОС воспринималась в США как дискуссионный клуб, не имеющий серьезного основания, но после 2005 г., когда статус наблюдателей в ШОС получили Индия, Пакистан и главный противник США – Иран, а пожелание вступить высказали Южная Корея и Турция, существование ШОС стало вызывать сильнейшее беспокойство американских политиков.

США выдвинули идею Партнерства по сотрудничеству и развитию Большой Центральной Азии как регионального форума по планированию, координации и осуществлению целой серии программ США. В результате планировалось превращение стран региона (включая Афганистан) в зону безопасных суверенных государств с жизнеспособной экономикой, светскими открытыми системами государственного управления, дружественных США. К программе предполагалось подключить Турцию, Пакистан и Индию, отодвинув ШОС, ЕвразЭС, и, таким образом, нарушить негласно, но явно связи стран ЦАР с Россией и Китаем, переориентировав их на других акторов региональной политики.

В связи с этим российский политолог И.Ф. Кефели отмечает, что «как будто выполняя рекомендации Старра, в октябре 2005 г. К. Райе реорганизовала южноазиатский отдел Госдепартамента, передав в его ведение вопросы пяти центрально-азиатских государств. В апреле 2006 г. подкомитет по Среднему Востоку и Центральной Азии Комитета по международным делам Палаты представителей Конгресса США провел слушания по американской политике в Центральной Азии. Основным исполнителем новой политики помощник госсекретаря по Южной и Центральной Азии (он же руководитель недавно образованного отдела) Р. Ваучер, опираясь в своем выступлении на идеи Старра, пошел гораздо

дальше, превратив их в откровенное идеологическое прикрытие продвижения американского влияния в регионе. Формально признав исторические связи центрально-азиатских государств с Россией и их растущее сотрудничество с Китаем, Ваучер ясно дал понять, что не считает эти две страны ведущими игроками в новом американском плане по установлению тесной связи между Центральной и Южной Азией через Афганистан. Более того, 13 июня 2006 г., буквально за несколько дней до саммита ШОС в Шанхае, Агентство по торговле и развитию США провело в Стамбуле форум «Электричество через границы». Участники из Центральной и Южной Азии представили там крупнейшие новые инфраструктурные проекты в области энергетики в Афганистане, Казахстане, Киргизии, Пакистане, Таджикистане и Туркмении. Представители России и Китая не были приглашены на этот форум, который, очевидно, должен был продемонстрировать новую роль США и Турции в развитии сотрудничества между государствами Центральной и Южной Азии. Идея «Большой Центральной Азии» вызвала неоднозначную реакцию в самих центрально-азиатских государствах, безразличие в Москве и беспокойство в Китае» [7].

Впрочем, концепция Ф. Старра оказалась нежизнеспособной: «идея экономического возрождения региона через Афганистан в настоящее время не осуществима. Наркоэкономика, талибский экстремизм, слабость режима Хамида Карзая и другие очевидные обстоятельства делают подобную теоретическую конструкцию довольно искусственной и нереальной», – считает известный российский специалист по Центральной Азии С.Г. Лузянин [8]. К концу 2000-х гг. несмотря на значительные дипломатические усилия позиции США в Центральной Азии оказались существенно подорванными [9].

Позиция новой администрации президента Б. Обамы более прагматична, чем идеологизированная агрессивная политика Дж. Буша-младшего. Обнаружившиеся серьезные проблемы, связанные с укреплением стабильности и консолидации в Афганистане и Пакистане, стремление создать условия для возможности ухода основных военных сил из Афганистана, заставляют США искать сотрудничества со своими соперниками в ЦАР – Россией и Китаем, поддержки правителей государств региона – все это отвлекает наращивание американской конкуренции.

В декабре 2009 г. США официально пересмотрели приоритеты своей политики в ЦАР и объявили о новой региональной концепции, в которой обозначили пять приоритетов: расширение сотрудничества с государствами региона для поддержки Международных сил содействия безопасности в Афганистане и Пакистане; помощь в развитии и диверсификации энергетических ресурсов региона; поддержка политической либерализации в странах ЦАР, но без попыток навязать политические принципы государствам региона; помощь в налаживании торговых отношений между странами региона, в предотвращении распада данных государств; обеспечение бесперебойного функционирования государственного управления, образования, здравоохранения, экономики, преодоление коррупции. Критики данной концепции утверждают, что Центральная Азия рассматривается

в ней лишь как придаток политики США в Афганистане и Пакистане и не учитывает усиления роли в данном регионе России, Китая, мусульманских стран.

В целом, по концепции создается впечатление, что США, по крайней мере, на время, отложили политику агрессивного проникновения в регион. Однако следует иметь в виду, что исторически США, создав в каком-либо регионе мира свои военные базы, никогда добровольно из них не уходили.

Евросоюз проявил заинтересованность в ЦАР позже США, с середины 1990-х гг., когда была принята «Стратегия Европейского сообщества в отношении государств Центральной Азии», и его активность в регионе нарастает с каждым годом. Заинтересованность ЕС в сотрудничестве со странами региона определяется развитием торгово-экономических связей, коммуникаций, обеспечением безопасности. В 1990-е гг. руководство ЕС прагматично увязывало сотрудничество с центрально-азиатскими государствами с их социально-политической трансформацией, модернизацией, созданием и развитием демократических институтов по западному образцу. Недостатки такой политики проявились уже в 1990-е гг.: незнание со стороны европейцев традиций и особенностей стран региона, упрощенное понимание процессов политической трансформации – эти процессы представлялись как аналог процессов, происходивших в странах Восточной Европы, торопливость в ожиданиях: от государств региона требовали кардинальных, необратимых изменений [10].

В 2000-е гг. ЕС пересмотрел свою стратегию в отношении ЦАР. Евросоюз в целом и страны-члены ЕС активно сотрудничают со всеми странами ЦАР по широкому спектру гуманитарных вопросов. В 2008 г., например, страны ЕС осуществляли со странами ЦАР 261 социально-политический проект, а Европейская комиссия от имени всего ЕС еще 303 проекта, при этом Еврокомиссия предполагает вложить в эти программы помощи до 2013 г. до 719 млн евро.

Из стран Евросоюза наибольшую активность проявляли Германия (87 проектов) и Великобритания (30), а из стран ЦАР в наибольшем числе программ были задействованы Киргизия (60 страны ЕС +75 Еврокомиссия), Казахстан (56+64) и Таджикистан (51+64). Возрастание интереса к региону со стороны ЕС отмечается с середины 2000-х гг. В 2005 г. был введен пост Специального представителя ЕС в регионе, а в 2007 г. – утверждена Программа сотрудничества ЕС со странами региона на период 2007-2013 гг [11]. Главные направления Программы: права человека, модернизация законодательства, образование, сотрудничество в области энергетики, прежде всего нефтяном и газовом секторах, а также в гидроэнергетике и решении проблемы водных ресурсов. ЕС также осуществляет в ЦАР долгосрочные проекты: Программу по содействию управлению границами (ВОМСА), Программу по предотвращению распространения наркотиков в Центральной Азии (САДАР), проект TRACECA.

Однако, прежде всего с середины 10-х гг. XXI в. ЕС видит в странах ЦАР поставщиков энергоресурсов, что связано с нарастанием беспокойства ЕС в связи с

ощущением его энергозависимости. По прогнозам, к 2030 г. импорт энергоносителей в Евросоюз будет составлять до 70%, при этом импорт нефти возможен до 90%, газа – до 70%. Таким образом, основная энергетическая проблема стран ЕС – возрастающая зависимость от импорта энергоносителей и тревога, что за энергию придется бороться на глобальном уровне: «Евросоюз находится и будет находиться в состоянии глобального состязания за доступ к энергоресурсам, которых постепенно становится все меньше» – констатировали главы государств и правительств стран – членов ЕС на Европейском саммите в Брюсселе в 2006 г [12]. Евросоюз стал расценивать энергетическую зависимость как угрозу своей безопасности и сформировал такую внешнюю энергетическую политику, которая могла гарантировать ему прочное соблюдение его энергетических интересов. Одна из стратегических целей ЕС в энергетической политике – стремление освободиться от «подавляющей» энергетической зависимости от импорта энергоносителей из России, являющейся на протяжении многих лет их главным поставщиком.

Целью долгосрочной международной энергетической политики Евросоюза является создание интегрированного рынка, простирающегося от Европы до Центральной Азии, Ближнего Востока и Северной Африки. Как утверждается в документах Евросоюза, ЕС стремится создать глобальную всепроникающую энергетическую систему. В этом главное различие энергетической политики ЕС от политики США, «которые хотят лишь для самих себя достичь энергетической независимости» [13].

Таким образом, энергетическое сотрудничество является одной из важнейших составляющих в сотрудничестве ЕС со странами Центрально-Азиатского региона. Отметим, что страны ЦАР в шкале приоритетов в Концепции внешней энергетической политики Евросоюза занимают 6-е место [14]. Главными партнерами в энергетическом диалоге для ЕС являются Казахстан и Туркменистан. Казахстанский нефтяной сектор развивается с активным участием европейских инвесторов. Однако, учитывая, что Казахстан использует, в основном, российские трубопроводы для доставки в сторону ЕС энергопродуктов, больше перспектив ЕС видится в доставках газа из Туркменистана: туркменский газ давно рассматривается как главный компонент для так называемого Южного коридора – системы трубопроводов, которые могли бы идти из Каспия и Среднего Востока в Турцию и Европу, минуя Россию. В целом, по мнению ряда российских экспертов, политика ЕС в поисках источников диверсификации энергопоставок, может угрожать развивающимся регионам Азии и Африки, так как может привести к масштабному и выкачиванию энергоресурсов этих стран в интересах ЕС, и нанести ущерб как экономике, так и экологии этих регионов, а страны-транзитеры могут оказаться в положении заложников энергопоставок для Евросоюза.

Китай стал влиятельным игроком в Центрально-Азиатском регионе к концу 1990-х гг. Для его внутрирегиональной политики характерны реалистическая осторожность и многовекторность действия. Интересы Китая в ЦАР оформились достаточно ясно: это стремление занять прочные экономические позиции на

центрально-азиатском рынке, обеспечение страны энергоресурсами, безопасность в пограничных районах, прежде всего, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, обеспечение стабильности, недопущение массированного проникновения в регион соперничающих с Китаем государств, недопущение создания в регионе недружественных Китаю политических и военных союзов.

В начале и первой половине 1990-х гг. у Китая был ряд нерешенных пограничных проблем с государствами ЦАР, которые были урегулированы во многом благодаря своевременному подключению к процессу урегулирования России, созданию «Шанхайской пятерки», переросшей в ШОС. Активное проникновение КНР в Центральную Азию имеет, прежде всего, экономический характер. Располагая мощными: финансовыми и торговыми возможностями, он стал крупнейшим торговым партнером государств ЦАР, осуществляет крупные инвестиции, строит транспортные коммуникации. Например, с 1999 г. Китай увеличил товарооборот с Казахстаном в 22. раза, а РФ – в 9 раз. Сходная картина в других странах ЦАР. У ряда российских аналитиков сложилось впечатление, что страны-участники ШОС рассматриваются Китаем как зона для увеличения китайского экспорта или как зона свободной торговли. Китайская торговая экспансия в страны ЦАР, кроме общего усиления конкуренции рынках и изменения конфигурации их внешнеторговых связей, создает опасности примитивизации структуры внутрирегионального обмена, который все более концентрируется на энергоносителях, промышленном и сельхозсырье, значительно ухудшает перспективы налаживания кооперационного взаимодействия в ЦАР, развитие: внутриотраслевой торговли в обрабатывающем секторе. При этом Китай всячески подчеркивает политическое лидерство России в ЦАР, уважение ее особых интересов и приоритета.

После 2001 г. с развитием антитеррористической операции в Афганистане, появлением военных баз США в Узбекистане и Киргизии, у китайского руководства не меньшей степени, чем у руководства России стали возникать опасения, что американское присутствие в ЦАР является элементом сдерживания именно Китая и России. Китай рассматривает ЦАР как свой стратегический тыл – присутствие американцев, по мнению китайских политиков, вызывает нестабильность в регионе. По этой же причине вызвал резкое неприятие в Пекине американский проект Большой Центральной Азии.

Внутри ШОС Китай, в отличие от России, делает акцент на торгово-экономическую составляющую и двусторонние отношения, тогда как Россия предпочитает развитие экономических отношений со странами ЦАР в форматах ЕвразЭС и Таможенного союза, устранив от участия в реализации экономических проектов ШОС. Между тем внутри ШОС, по мнению многих российских аналитиков, происходит постепенное перетекание влияния от РФ к Китаю в регионе через его экономическое проникновение [15]. Постепенно Китай разрушает и российскую энерготранспортную монополию в ЦАР. В декабре 2009 г. Китай открыл газопроводную трубу из Туркменистана через Узбекистан и Казахстан в Западный Китай.

Следует отметить, что тезис о «китайской угрозе», которая собирается руками России с помощью ШОС полностью подчинить себе регион, представляется неточным. Концепция китайской угрозы и нежелание экономически сотрудничать с Китаем в ЦАР, по наблюдению российского эксперта А.В. Лукина, носит откровенный прозападный отпечаток российской политики начала 1990-х гг., ведет к столкновению интересов [16]. Однако, считает этот автор, продолжающееся отсутствие интереса РФ к многостороннему сотрудничеству в рамках ШОС может привести к вытеснению РФ Китаем и из этого региона и из ШОС [16]. В 2008 г. Китай уже самостоятельно решил направить 10 млрд долл. на многостороннее сотрудничество в рамках ШОС. Он также стал в одностороннем порядке кредитовать своих центрально-азиатских партнеров, что является подтверждением указанной опасной тенденции.

Литературы:

1. Старр, Ф. Партнерство для Центральной Азии / Фредерик Старр // Россия в глобальной политике. 2005. №4. Июль – август. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/15/4506.html>.
2. Кьеза Дж. Война империй: восток-запад. Раздел сфер влияния. М., 2006. С.198.
3. Звягельская, И. Д. Меняющиеся балансы. Взаимодействие внешних сил в Центральной Азии / И. Д. Звягельская // Свободная мысль. 2009. JMо x 1 С 61-74.
4. Дронов В. Взаимоотношения Европейского Союза и России с Центральной Азией: перспективы политических отношений ЕС и России с Таджикистаном И Аналитический центр разумные решения. 02.12.2007. URL: <http://www.analitika.org/article.php?story=20071202005304987> (дата обращения: 05.03.2010).
5. Kemp G. and Harkavy R. Strategic Geography and the Changing Middle-East. W.: Camegie Endowment for International Peace, Brookings Institution Press. 1997. P. 125.
6. Кефели И. Ф. Пространство ШОС – пространство содружества. – С. 59.
7. Леонов А. Зачем Вашингтону военная база в Казахстане? // Eurasia internet. URL: http://v.vw.eurasia.org.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2108:2010-04-30-05-34-02&catid^:events-and-opinions& (дата обращения: 28.04.2010)
8. Лузянин, С. Г. Центральная Азия – 2008: экономические амбиции или «исламский социализм»? / С. Г. Лузянин // Перспективы: фонд исторической перспективы. [Электронный ресурс]. URL: http://v.v.perspektivy.info/oykumena/politika/centralnaja_azija--2008_ekonomicheskij_e_ambicii_ili_islamskij_socializm_2008-01-17.html.
9. Лукин, А. В. Шанхайская организация сотрудничества: что дальше? / А. В. Лукин // Россия в глобальной политике. 2007. № 3. С. 78-93.
10. Seifert, A. C. 15 Jahre Transformation in Zentralasien und die OSZE / Arne Clemens Seifert. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.linksnet.de/de/artikel/20962>.
11. Schmitz, Andrea. Efficiency and its Costs: The «Strategy for a New Partnership with Central Asia». The Potential of the Council Presidency – An Analysis of

Germany's Chairmanship of the EU, 2007, SWP Research Paper / Andrea Schmitz. – Berlin, January 2008. P. 71-75. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.swp-berlin.org/en/common/get_document.php?asset_id=4656.

12. Пашковская И. Г. Европейский союз: формирование внешней энергетической политики // Научно-координационный совет по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. Аналитические доклады. Июнь 2008 г. Выпуск 1. – С. 64.

13. Solatia J. An External Policy To Serve Europe's Energy Interests. Paper from Commission/SG/HR for the European Council. URL: http://ec.europa.eu/dgs/energy_transport/international/doc/paper_solana-sg_energy_e.pdf (дата обращения: 18.03.2010).

14. Ли Фэнлинь. Доклад на семинаре «Россия и Китай в новой международной среде». Совет по внешней и оборонной политике 20-22 марта 2009 г. URL: http://www.svor.ru/ljve/news.asp?n_id=24707 (дата обращения: 17.05.2010).

15. Казанцев, А. А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия / А. А. Казанцев. – М.: Русское наследие, 2008. – 248 с.

16. Лукин, А. В. ШОС: итоги российского председательства / А. В. Лукин // Международная жизнь. 2009. № 9. С. 23-37.

OBSAH

HISTORIE

CELKOVÁ HISTORIE

Богун Л.В. Departmental education in the state emergency service of Ukraine	3
Абдешова Г.А. «Бархатная революция»: начало нового пути развития	9
Иванов В.В. «Случайные попутчики» среди участников восстания 14 декабря 1825 г. на основе анализа персоналий П.Г.Каховского и А.Я.Якубовича	13
Айтуарова А. Абылай хан – ұлы қолбасшы	31
Биназарова Н.Н. Қыпшақ, мысыр мемлекетінің өзара байланыстары	34
Шертекова С. Қазақстандағы ауылшаруашылығын күштеп ұжымдастыру мен казак шаруаларын отырықшыландыру	37

FILOSOFIE

FILOSOFIE LITERATURY A UMĚNÍ

Беркимбаева А.М. Современные нравственные качества казахов в произведениях Абая Кунанбаева	41
--	----

SOCIÁLNÍ FILOSOFIE

Есбол Ғ.Ш. А.Байтұрсынұлы мен хакім Абайдың рухани мұралары	45
Карбозова Б.Е. Философский аспект – формирование индивидуального культуры времени	47

FILOSOFIE KULTURY

Тасбулатова Р.А., Сейтова Ж.А. Тұлғаның мәдени дүниетанымы мен танымдық көкжиегін дамыту жолдары	52
Разуметова К. Библиотеки и музеи как центры развития науки и исследовательской деятельности (в свете культурной политики РК)	56
Москаленко И.И. Прагматика и семантика мифологических текстов	65

POLITICKÉ VĚDY

HISTORIE A TEORIE POLITICKÝCH STRAN

Ахметова Л.С. Исламдағы адам еркіндігі мен бостандық құқығы..... 70

REGIONÁLNÍ POLITICKÉ PROCESY

Мовкебаева Г.А., Айдарханова Э.М. Энергетический фактор в контексте отношений России и стран Центральной Азии: интересы США, ЕС, Китай 73